

Бездельники четырех окружающих видов рассеяны, старые разведчики среди государственных солдат, старые шедевры правительства Тиньи, и более дюжины мастеров, владеющих навыками слежки и выслеживания секретов закона.

Время от времени попадались вещи, которые было поздно убирать прошлой ночью. Например, большие железные копья гневного пламени, специальное убийство скорпиона и дворцовая белая роса были убиты зеленой чайкой. Кровавый туман, но много одежды и кусков, разбросанных по всему полу, это было найдено один за другим.

Люди Чу постелили трехслойный толстый ковер на официальной дороге и быстро расставили столы, стулья и чайные сервизы.

Чу Юй и Сыма гоняли ветер и сидели за чаем, спокойно наблюдая, как подчиненные усердно трудятся в джунглях. Их работа вскоре принесла результаты. На официальной дороге появился большой брезент, три скрученных больших железных копья, двадцать девять убийств и более трехсот кусков одежды, оставленных Гун Байлу. Эти куски, а также куски некоторых аксессуаров на его теле, были найдены один за другим и аккуратно разложены на брезенте.

Сима гнал ветер и был похож на воду на брезенте.

Рожденный в семье Дацзинь, Сыма смотрел на ветер и узнавал происхождение этих больших железных копий и □□.

Разгневанный и стремительный, убивающий!

Это просто вопрос гнева и злости. Пока есть деньги и сила, и есть определенные отношения, можно найти колдовской личный кастинг.

В огромном Чжанчжоу, в семье Чу, по крайней мере, три или пять семей обладают такой силой, и эта храбрость была частным образом отлита в гнев. Например, родственники Чу, такие как процветание Линга в эти годы, являются одними из них.

Но убейте его!

Сыма погнал ветер и посмотрел на Чу.

Чу Юй также пристально посмотрел на него.

Оба посмотрели друг на друга и повернули головы. Их брови одновременно наморщились.

Убийство здесь совершает не другая сторона. Кто это? У Линга точно нет такой силы. Без этой основы, если это не Сыма Тайшоу, не Чу, то кто же это будет?

Худое тело с уродливым лицом, как у старой гиены, примостилось на брезенте и тщательно обнюхивало остатки одежды Гун Байлу. К плоти и крови прилип кусочек одежды размером с большой палец, размером с фасолину мунг. Этот маленький кусочек плоти, заботливо оставленный дворцовой белой росой, был тщательно облизан кончиком языка и осторожно попробован на вкус. Что-то.

"Хозяин, ужас!" Спустя целых четверть часа, это подношение было поднято и внезапно подошло к Чу.

"Господин, убийство брата Бай Лу - чрезвычайно ужасный мастер. Один наносит удар по

судьбе, тело разбито, а у плоти и крови брата Бай Лу не осталось дыхания после стремительного потока У Юаня, что доказывает, что он слишком опоздал к удаче. Другой стороне достаточно лишь удара по его жизни!"

"Старая мысль, какой уровень культивирования у этого человека?" Чу Юй Бай Юй как нефритовое красивое лицо через облако, он ненавидит эту неконтролируемую вещь. Гун Байлу - один из лучших в подношениях Чу. Сможет ли он убить его? Насколько он сильнее?

"Тяньпин, и хотя бы мастер "Тяньцзюнь"". Древнее уродливое старое лицо закачалось, и он произнес свое суждение с благоговением.

Лицо Сыма, гонящегося за ветром, внезапно стало жестким.

Чу Юй тихонько фыркнул, его лицо не очень красивое.

Оценка Дацзиня для культивирования У Дао определялась как простое закаливание костей и косточек, а неспособность культивировать "У Юань" - это "все".

Культивирование "У Юаня", который культивировался от одного года до девяноста девяти лет, - это "характер".

У Юаньской пробил последние сто лет и еще не достиг тысячелетия. Это относится к "продуктам земли".

Когда У Юаньской преодолет рубеж тысячелетия, он станет мастером "Тяньпина".

Любой из мастеров небесных изделий может занять одну сторону и призвать ветер.

Тянь, ди и жэнь - это боевые искусства, от одного до трех - это "учитель", от четырех до шести - "цзюнь", а от семи до девяти - "□". Так называемый мастер небесного царя - это страшная фигура У Юаньсюя, которому более 3 000 лет и менее 6 000 лет.

Тысячелетнее древнее дерево может быть по пояс и громopodobным. Если маленькое тело человека вмещает тысячу лет, то нетрудно представить, насколько ужасным он может быть.

"Тяньцзюнь, Тяньцзюнь, Эй, Тяньцзюнь!" Сыма погнался за ветром и, быстро перевернув стол, сказал с мрачным лицом: "В эти несколько дней в Чжанчжоу действительно встретились ветер и облако. Это герой героя. Чу Маленький господин, что скажешь?"

Чу Юй на мгновение замялся, а затем попросил Сыма преследовать ветер: "Ту Шоу сказал, что это?"

Звук преследующего ветер Сима внезапно уменьшился на три тона. Он надавил на голос и сказал: "По крайней мере, будь то тот, кто стоит за Чу, или моя семья Сима, у всех есть спор интересов, но все они свои собственные. !"

Сыма посмотрел на ветер и посмотрел на Чу Юя: "Поскольку сейчас время вступления в должность, Чу подавил чиновника ради этого человека. Чиновник не дал никакого яростного ответа. Однако некоторые люди могут быть разными. ""

Чу Юй взял чайник, сделал глоток чая и мягко улыбнулся: "Тем не менее, этот вопрос нужно прояснить. Почему люди, которые слишком строги, люди Линга и люди меня, я умру здесь одновременно. Мы должны всегда понимать это до и после".

Когда пурпурные слуги были заняты разведчиками, старыми шедеврами и мастерами подношений, он тоже с любопытством следил за этими людьми, чтобы прощупать мозг.

Старые слуги государственных солдат, старые шедевры правительства Тинфу, подношения семьи Чу - все они были осмеяны пурпурным халатом, и различные слова "большого восстания" не были чрезмерными.

Но пурпурные одежды необычны и изысканны, красивый и нечеловеческий вид, и очаровательный Фанхуа из Фэнцзина позади него, ужасная атмосфера шести последователей, все факторы складываются вместе, позволяя пурпурному сыну быть невидимым. Есть таинственная аура.

Никто не осмеливается кричать на него, и никто не осмеливается сказать, что он оскорбителен для него. Он может только терпеть, когда фиолетовый мальчик находится рядом с ним, как любопытный ребенок.

В конце концов, фиолетовый сын удовлетворил свое любопытство. Он шлепнул по сломанным веткам, висевшим на рукавах, и, покачиваясь, направился в сторону Чу и Сима.

Очень грубо, пара самокруток, - Зизизи указала на чайный столик между Чу и Симой, и крикнула белым служанкам позади Чу: "Группа глупых придурков, у которых нет глаз, чтобы видеть, Ваши гости на пороге, разве вы не сажаете их на стол и стулья?"

"О, помните, этот сын соблюдает чистоту, чайную посуду, которой пользуются другие, нельзя трогать. Поспешите сменить новый чайник, я люблю тонкий фарфор с небольшим количеством душистого чая, если он может очертить пурпурное кружево, это лучше. Если нет, то тонкий белый фарфор едва ли".

Девиз Цзыцзы Гунцзы отдал приказ, и Сима погнался за ветром и Чу Юем одновременно, а затем одновременно рассмеялся.

Чу Юй упреждающе поклонился Цзыцзы Гунцзы: "Осмелюсь спросить сына фамилии, зачем ты пришел в дикие земли Чжанчжоу?".

<http://tl.rulate.ru/book/5788/2225057>